

Ахенские коронационные въезды
под разными углами зрения¹

Между макроисторическими процессами, с одной стороны, и единичными, конкретными историческими событиями, с другой, оказывается немало места для разнообразных исторических ситуаций. В качестве предмета исследования историческая ситуация обладает собственными, причем не лишенными привлекательности, качествами.

Когда историк рассматривает прошлое как совокупность макроисторических процессов, он то и дело рискует заложить душу либо социологии, либо историософии. Но социологии искони свойствен свой – весьма обобщенный – взгляд на вещи, а историософии не в меньшей степени присуща несколько избыточная умозрительность. Любая привносимая в историю концепция развития общества на большем или меньшем промежутке времени требует для себя, как языческое божество, многочисленных жертв. Жертвовать приходится тем, что не вполне вписывается в теорию, а значит, в принципе всем, обладающим индивидуальностью и своеобразием. Чем более обобщающий взгляд бросаем мы в прошлое, тем больше вянет от него flores historiarum – своеобразных и неповторимых соцветий из событий, персонажей, человеческих страстей и роковых случайностей – тех соцветий, в любовании которыми всегда состояла прелесть историописания.

Если же прошлое предстает историку лишь в виде изолированных “разовых” и неповторимых событий, он рискует не меньше – такая история становится статичной мозаикой – ведь чтобы описать длительность и изменчивость необходимо сравнивать, а значит, обобщать. Отказавшись из любви к индивидуальному от всяких обобщений, можно перестать слышать маятник часов, т.е. чувствовать ход времени. Изолированное и неповторимое событие позволяет изучать себя бесконечно, но всякое сопоставление его с другими оказывается делом трудным и с методологической точки зрения весьма сомнительным.

Вполне понятное стремление избежать столь неприятного выбора между конструированием безликих процессов и описанием бессвязных событий побуждает одних историков искать спасительных подсказок у “чужих” (это называется междисциплинарностью), других – погружаться всецело в размышления о своем личном способе размышлять “по поводу” истории, третьих – давать полный простор фантазии и мысли и превращаться либо в беллетристов, либо в философов. На каждом из этих путей могут быть достигнуты блистательные результаты, расширяющие пределы гуманитарного знания. Однако ступивший на одну из поименованных троп историк рано или поздно тайком оставляет свою старенькую Клию и отправляется на поиски иных муз. Они, безусловно, не менее достойные дамы, но они – *иные*, а это – самое главное.

Историку же, все еще старомодно хранящему верность той милой давней избраннице, можно рекомендовать поразмышлять, не будет ли ему полезна в качестве способа рассмотрения прошлого категория исторической *ситуации*. Только речь идет не о “ситуации”, которой мы привыкли пользоваться как синонимом к слову “положение”, составляя выражения типа “политическая ситуация в такой-то стране в такое-то время”. Историческая ситуация – это прежде всего характерный рисунок отношений между людьми в прошлом. Те или иные комплексы межчеловеческих отношений могут создавать свои виды исторических ситуаций. А поскольку социальные роли нередко воспроизводятся с большей или меньшей степенью подобия на протяжении длительных промежутков времени, то и задаваемые ими исторические ситуации обладают в той или иной мере свойством повторяемости. Смена участников или обстановки вносит много нового, но все-таки не меняет сущностного ядра происходящего. Не так важно, какой король принимает корону и какой прелат возлагает ему ее на голову, зато именно определенный рисунок отношений между участниками действия позволяет уверенно определить: это ситуация коронавания, а не заседания совета, военного похода или застолья. Соответственно ситуация коронавания может в основных своих чертах еще не раз повториться в иное время и при совершенно иных действующих лицах. А потому историк вправе заняться рассмотрением не всякого конкретного коронавания в отдельности, но коронавания как исторической ситуации, время от времени воспроизводящейся и как бы имеющей собственную судьбу.

Описание прошлого при помощи анализа возникавших в нем исторических ситуаций позволяет, с одной стороны, сохранить в рассказе весь аромат исторической конкретики и всю прелесть единичного. С другой же, оно может придать этому рассказу временную динамику, благодаря качеству относительной повторяемости, присущей исторической ситуации.

И тогда, если историк в ходе своего повествования пожелает или сумеет добраться до каких-либо, пускай скромных, обобщений, он пройдет весь путь к ним на собственных ногах, не прибегая ни к помощи социологических или иных костылей, ни к склеенным воском крыльям воображения.

Смешно было бы на нескольких страничках всерьез заниматься спасением личности исторического знания – речь пойдет о другом. Все последующее повествование будет просто примером исторического описания, при котором один из фрагментов прошлого имплицитно понимается в качестве относительно повторяющейся исторической ситуации. В ее облике, представленном читателю, должна по возможности быть передана конкретика действий, персонажей и артефактов. Этот образ должен получиться – по мере сил исследователя – разносторонним и не лишенным элементов динамики и развития. Въезд нового государя в город, где ему предстоит принять корону – самое яркое событие кануна всякой средневековой коронации. *Ситуации* коронационного въезда в Германии XV в. и посвящена эта статья.

Историческое ядро средневекового коронационного въезда сложилось задолго до средневековья. Это *adventus domini* – ритуал торжественного вступления государя в “его” город – одна из древнейших форм репре-

зентации власти. Она возникла, похоже, одновременно с появлением государей и городов. В нашей части планеты яркими примерами подобных действий служат, помимо ближневосточных образцов, хрестоматийные римские триумфальные въезды², вступления императоров³ или императорских наместников⁴ в их города, а на закате античного мира – поставленные по тем же римским образцам явления варварских королей⁵ и христианских епископов. Постепенная христианизация Европы приводила к уподоблению сцен “встречи” епископа или светского государя въезду Христа в Иерусалим или даже его грядущему мистическому вступлению в Иерусалим Небесный⁶. В западноевропейском средневековье с его сравнительно развитыми городами и неразвитым “государственным” властным аппаратом *adventus domini* – действие столь же распространенное, сколь и значимое. Правитель, желавший “дотянуться” до своих подданных, превращался в вечного странника, для которого участие в очередной церемонии “въезда” – дело едва ли не повседневное.

Поэтому первый “слоу” ситуации прибытия государя за короной в Ахен – это вполне традиционный *adventus domini* по хорошо устоявшейся к XV в. схеме⁷. Важные городские персоны встречают приближающегося монарха на подъезде к городу, тот, миновав ворота, выражает почтение местной святыне, затем следует к центральному храму города, где выслушивает мессу. Совокупность этих действий означает как бы заключение договора между общиной и гостем о взаимном признании и уважении прав друг друга.

Как раз к этому “слою” исторической ситуации относится “инструкция” (точнее, “квазинструкция”, как будет показано ниже), составленная скорее всего кем-то из старших каноников главного ахенского храма св. Девы Марии⁸. Она предписывает, чтобы каноники, а также священники других храмов и монахи с выносными крестами своих церквей в руках следовали “процессней” к воротам и там, не смешивая рядов, ожидали прибытия государя. Указания не слишком детализированы, ведь духовенство и так – самая организованная группа встречающих. Она достаточно сплочена дисциплиной, да к тому же каждый клирик или монах столько раз в год шагает в праздничных шествиях, что ему нет нужды специально объяснять, в каком именно порядке должно “следовать процессией”.

Когда государь проедет сквозь городские ворота, он сойдет с коня, и ожидавший его в нетерпении декан приблизит к королевским устам один из крестов для поцелуя. (Скорее всего подразумевается выносной крест храма св. Марии – знаменитый “Крест Лотаря”, и сегодня одно из самых больших сокровищ Ахена). “Инструкция” в соответствии с определенной стилистической традицией не просто описывает эту сцену, она как бы внушает полагающийся в таких случаях душевный настрой ее участникам. Декан наклоняет крест “почтительно” (*reverenter*), а король целует его “смирненно” (*humiliter*). Такое целование либо креста, либо раки с останками уважаемого местного святого немецкий государь должен давать при вступлении едва ли не в каждый из городов своей державы.

В источниках содержится намек на то, что в ахенском въезде присутствовал еще один весьма древний и характерный именно для процедуры

adventus domini обычай. Вместе с государем, как правило, крепко держась за край его плаща или же за конскую сбрую, в город могли войти изгнанные оттуда ранее преступники⁹. Подобное имело место в целом ряде городов империи, как к северу, так и к югу от Альп. Горожане, впрочем, повсюду упорно стремились упразднить или хотя бы ограничить право государя приводить с собой “прощенных”, в чем к XV в. изрядно преуспели¹⁰. Но в Ахене еще в 1442 г. местные власти считались с возможностью появления в свите нового короля изгнанников и заранее запрещали этим людям оставаться в их городе дольше, чем сам король¹¹.

Однако многое другое в ахенском въезде уже не вписывается в рамки обычного adventus domini, что заставляет вскрывать новые слои в рассматриваемой ситуации. Автора цитировавшейся выше инструкции интересуют только действия подотчетных ему священников и монахов, и потому от его внимания совершенно ускользает занятный эпизод. В то время как король смиренно целует крест, стражи городских ворот забирают себе его коня¹². Государь не протестует, а кротко садится на другого скакуна, подведенного кем-то из свиты¹³. Та же сцена повторится еще дважды – всякий раз, как король сойдет с седла. Перед вратами храма св. Девы Марии второй королевский конь достанется ахенскому фогту – герцогу Юлихскому¹⁴, а третьего заберут люди архиепископа Кельнского¹⁵ (в чьей митрополии лежал Ахен) у самого порога дома, где остановился на ночлег государь.

Этнолог (и тем более антрополог) немедленно объяснит нам, разумеется, что такого рода спойли – “узаконенные ограбления” – очень древняя и широко распространенная часть всевозможных rites de passage – “обрядов перехода”. Перемещение кого-либо на более высокую ступень в обществе предполагает принесение им материальных жертв в пользу этого самого общества. Обременение спойлими ритуала встречи можно объяснить только тем, что данный визит – не рядовой: гость прибыл, чтобы качественно повысить свой статус – в Ахене он пройдет обряд помазания.

Конями дело не ограничивалось. Ахенская коронация вдохновляла причастных к ней лиц на изобретение все новых спойли. На пиру после коронования Сигизмунда в 1414 г. разгорелся острый спор между королевскими слугами и людьми пфальцграфа Рейнского, носившего почетный титул имперского стольника. Этот курфюрст вдруг заявил, что по давней традиции ему должна достаться вся королевская золотая и серебряная посуда с пиршественных столов. Тут государь и его приближенные проявили твердость и уступать не стали. В ходе дискуссии о нормах обычая в дело пошли мечи, и из залы пришлось выносить раненых¹⁶. Спустя почти 30 лет Фридриху III было объявлено, что “по обычаю Римской империи” всякий может забрать себе посуду, которой он пользовался на пиру после коронации. От слов “всякие” немедленно перешли к делу, а ведь не ожидавший такого поворота событий государь неосмотрительно выставлял на стол все свои лучшие серебряные и золотые (скорее, позолоченные) кубки и блюда. В пиршественной зале засверкало оружие, и снова несколько человек были ранены. В конце концов стороны сошлись на

компромиссе – король получает назад свою посуду, но за это платит деньги¹⁷. Однако эти примеры споллий относятся уже к заключительной части коронационных торжеств, а не к их “кануну” – коронационному въезду, когда государь терял еще “только” коней.

Необходимо заметить, что “похищения” королевских коней в той или иной связи с ахенской коронацией случались не только в самом Ахене. Получив свою корону, государь, как правило, поклонялся в соседнем Кельне священным останкам евангельских “трех волхвов” (в немецкой

Похищение драгоценной посуды на пиру после коронации короля Сигизмунда 1414 г

Osterreichische Nationalbibliothek (Wien) cvp 13975 Fol. 458

традиции – “трех королей”). И тут тоже при входе в собор ему предстояло проститься со своим скакуном¹⁸. Во Франкфурте-на-Майне развился совершенно особый ритуал “ограбления” монарха еще только при избрании его курфюрстами. После успешного голосования курфюрсты поднимали нового короля на руки и усаживали его на главный алтарь¹⁹. Пока под сводами храма гремел “Te Deum laudamus”, церковный звонарь подкрадывался сзади к государю, ступая босыми ногами прямо по алтарю, и сдергивал с монаршских плеч королевский плащ²⁰. Впрочем, вместо того, чтобы удовлетвориться своим специфическим обычаем, франкфуртцы при случае не брезговали и банальным отнятием коня перед входом в главный храм у государя, направляющегося в Ахен на коронацию. Во Франкфурте эта добыча доставалась тому, “на кого укажет жребий”²¹.

Обычай похищения государева скакуна слишком своеобразен, чтобы не заставить задуматься о его происхождении. Он четко прослеживается, кажется, только в Рейнской области, а одна из важных ее особенностей состояла в существовании там немалого числа древних диоцезов. Между тем, именно епископские резиденции представляли собой в Западной Европе на протяжении как раннего, так отчасти и высокого средневековья самые подходящие места для рождения устойчивых традиций *rites de passage*^{21a}.

Почему-то историки, писавшие о сполнях при королевских въездах в рейнские города (и прежде всего А.М. Драбек), ограничивались простой констатацией наличия связи между этим обычаем и коронацией, но не занимались поисками возможных параллелей. А их, кажется, можно обнаружить немало, стоит лишь расширить поле зрения и обратить внимание на въезды не только королевские, но и епископские. В одном документе 1399 г. рассказывается, как новоизбранный епископ Шпайерский торжественно вступает в свой город “старыми воротами”, а затем едет до какого-то дома Buntel, где сходит с коня. Тотчас же один из епископских официалов “в соответствии с обычаем” забирает коня, другой (а именно постельничий) – “длинный плащ”, протоиерей же получает меч (которым не стеснялись себя украшать немецкие князья-прелаты)²². От XV в. дошли сходные свидетельства из того же Шпайера, а также из Констанца (1436 г.)²³, Страсбурга (1449 г.)²⁴ и Вормса (1483 г.)²⁵. Король оказывается вовсе не исключительной жертвой сполей – на него просто распространяют привычный обряд. Точно так же и на еще более редкого гостя – римского папу – при его визите в Констанц был вполне успешно перенесен местный обычай “ограбления” – у папы, несмотря на все его протесты, от имени бургомистра опять-таки забрали коня²⁶.

Дальнейшее рассмотрение обрядов, связанных с возвышением германского короля, приводит к выводу, что параллелизм между “церемониалами” королевским и епископским куда ярче выражен, чем отмечалось до сих пор в литературе. Стягивание плаща с короля весьма напоминает жертвы, которые должны были приносить при вступлении в должность некоторые из рейнских епископов членам своих капитулов²⁷. Что же до усаживания государя на алтарь, то этот обряд – вполне очевидное заимст-

вание из процедуры прославления новоизбранного епископа в целом ряде немецких (а скорее всего и не только немецких) городов. Один архивный документ с описанием введения в должность в 1480 г. епископа в Хальберштадте²⁸ не позволяет полностью согласиться с принятым мнением о распространении “усаживания” исключительно в Рейнской области²⁹. Однако единичный хальберштадтский пример не ставит под сомнение главного – именно епископским городам на Рейне должна была принадлежать особая роль в развитии ритуала подъема нового властителя на алтарь.

Все перечисленные обстоятельства весьма настойчиво подталкивают к признанию церковного происхождения целого ряда важных элементов королевского “церемониала” в Германии, в том числе и деталей ахенского въезда. Германскому государю явно недостает (по сравнению, например, с французским коллегой) собственного стиля в ритуальном общении с подданными. Возможно, это следствие общей слабости позиций императоров и римских королей в позднем средневековье. Именно из-за этой слабости они оказались не в состоянии создать и развить собственные формы репрезентации и вынуждены были перенимать уже сложившиеся у епископов. А может быть (хотя и менее вероятно), в близости ритуалов церковных и светских правителей в последний раз проявляются следы давних претензий германских императоров на обладание (благодаря обряду помазания) “священством”, т.е. церковным саном.

Как бы то ни было, сейчас представляется более существенным обратить внимание на другой вопрос. Итак, отдельные детали ахенского коронационного въезда показывают, что они скорее всего “заимствованы” из обычаев рейнских епископских кафедр. Но сложились ли сами эти обычаи уже на Рейне или же старые дворы немецких церковных князей стали просто посредниками, “передававшими” чужие обряды в Германию? Теперь самое время взглянуть на ахенские традиции под новым углом зрения.

В пределах империи лежал только один город, коронация в котором ценилась выше ахенской, была древнее ее и вполне могла бы стать источником заимствований даже для Ахена; но это был не город, а Город^{29а}. Возложение короны в Риме – вершина жизненного пути западноевропейского монарха, хотя приобретаемый с нею императорский сан был по большей части символического свойства. Прямое или косвенное подражание Риму и римским обычаям естественно для любого коронационного центра в средние века. А потому неудивительно, если “римский слой” можно найти не только в ахенской коронации, но и в предшествующем ей въезде государя. Он обнаруживается без труда и как раз в том, что подробно обсуждалось всего несколькими строками выше. Именно в Риме, у ступеней храма св. Петра, император издревле утрачивал в пользу римских “сенаторов” коня, стоило ему только сойти с седла³⁰. Обычай восходит к раннему средневековью, а потому и “рациональное” объяснение ему надо искать в патриархальных нравах римского (как и любого иного) двора той поры. Поскольку централизованного жалования тогда, естественно, не было, папские официалы жили в немалой степени на определяе-

мые традицией “добровольные” взносы лиц, представавших перед апостолическим престолом, например, удачливых просителей. Коня брали, должно быть, первоначально с епископа, прибывшего в Рим за утверждением в должности. Затем то же правило было перенесено и на императора, явившегося короноваться. Но вряд ли стоит полагать, что ахенское похищение коня было непосредственно заимствовано из Рима (с попутным утравиванием обряда). Версия об опосредующем звене – дворах рейнских епископов – на основании всего вышесказанного выглядит более вероятной. Сначала должен был происходить обмен обычаями между центрами разных диоцезов, и лишь после этого епископские резиденции могли выполнять роль “поставщиков ритуалов” для светской власти³¹.

В направлении Вечного Города указывает еще одна черточка ахенской процессии. Известно, что в 1486 г. перед королем Максимилианом (как, наверное, раньше перед его предшественниками) ехали от городских ворот до центрального храма придворные, разбрасывавшие “по всему городу” серебряные монеты, чем приводили толпу во вполне понятное и столь сильное возбуждение³², что она готова была уже перестать обращать всякое внимание даже на проезжавших мимо нее имперских князей³³. Обычай разбрасывать деньги в торжественной процессии восходит по крайней мере к VI в.³⁴, но в связи с коронационными торжествами – безусловно к раннесредневековым императорским коронациям в Риме. В одном чине коронавания XII в. дается весьма прозаическое объяснение этому обычаю (разумеется, не исчерпывающее всего его историко-культурного содержания): монеты бросают в толпу для того, чтобы она раступилась и дала дорогу всадникам³⁵. При всей приземленности подобного понимания обряда (или же как раз вследствие ее), такое понимание было широко распространено в XV в., иначе южногерманский городской хронист, вряд ли знакомый с римскими коронационными чинами, не объяснял бы почти их словами, почему при въезде в город папы толпе бросают монеты³⁶.

Еще одна, казалось бы, римская аналогия в ахенском въезде на самом деле сомнительна. Речь идет о степени регламентированности всего действия. Память об обычных позднесредневековых немецких *adventus domini* закрепляется в лучшем случае в виде записей прецедентов. Составленных в сколько-нибудь общей форме “инструкций” по организации этого действия практически не удается обнаружить, скорее всего потому, что их попросту не было. Такого рода текстов, похоже, не удосуживались составлять даже в столь развитых и политически влиятельных городах с прекрасно поставленным делопроизводством, как Франкфурт-на-Майне³⁷, Цюрих³⁸, Любек³⁹ или Нюрнберг⁴⁰. Тем более любопытным исключением оказывается Ахен – там городские власти научились сочинять самые настоящие инструкции, причем не для кого-нибудь, а для государей. Последним четко объяснялось, какие именно действия они должны совершить до коронации, в ходе ее и после ее окончания, в частности и при вступлении в город. От одной из таких инструкций сохранились следы в меморандуме, составленном, надо полагать, для Фридриха III Габсбурга

вскоре после избрания его германским королем. Советники нового государя описывают весь предстоящий ему "путь к короне" – начиная с прибытия во Франкфурт и кончая торжественным вручением князьям ленов в центре ахенской площади на следующий день после коронации⁴¹. Детали и подробности, сохраненные в "ахенской" части этого явно компилятивного текста, быстро наводят на мысль, что они взяты из послания, составленного в самом Ахене. Иначе трудно объяснить, каким образом советники короля – все родом из Верхней Германии – могли знать, скажем, название деревни к северо-востоку от Ахена, у которой государю предстоит вступить в "городскую милю", т.е. пересечь границу ахенских владений⁴².

В Венском архиве прекрасно сохранился и оригинал такой же "инструкции", присланной полвека спустя – в 1486 г. – сыну Фридриха III, Максимилиану. Текст этого "королевского мемориала" написан на характерном диалекте, выдающем близость "нижних земель"⁴³, и снабжен недвусмысленной пометкой о его ахенском происхождении. Авторы документа в довольно строгом тоне регламентируют королевский "въезд" и все последующее, методично перечисляя, что *обязан* сделать король⁴⁴. Требуемый от него порядок действий оказывается не чем иным, как... привилегией, полученной городом Ахеном от самого святого императора Карла Великого⁴⁵. Стоит признать, что способ придания веса местному обычаю был найден самый подходящий и весьма убедительный.

Некоторые аналогии с Римом тут, действительно, естественны. В римских коронационных "чинах" не менее тщательно, чем собственно обряды помазания и возложения короны, регламентируется *ingressus imperatoris* (вступление императора), т.е. как раз то, к чему в немецких городах, как уже говорилось, проявляли не слишком большой интерес. И не удивительно – в условиях Рима детали встречи прибывшего из-за Альп государя имели самое серьезное значение. Где императора ожидают кардиналы, а где сам папа, что происходит при этих встречах, в каком порядке движется процессия к Вечному Городу и по его улицам, – все это публично устанавливало иерархию и характер отношений между светским главой и главой духовным всего христианского мира.

Однако Ахен, в отличие от Рима, никогда не был центром даже скромного епископства, а после угасания Каролингов – и резиденцией светских властителей тоже. Соответственно в тщательном отрегулировании процедуры государева въезда необходимости вроде бы не заметно. Откуда же стремление к регламентации происходящего? Простым подражанием Риму тут дела не объяснишь – позаимствовать можно конкретное действие, обряд, но не общий принцип, не *отношение* к процедуре. И здесь, кажется, стоит перевернуть "римскую страницу" и внимательнее присмотреться к коронации как таковой.

Позднесредневековая коронация – действие и публичное, и недостаточно публичное одновременно. Публичное потому, что коронационная церемония – это не только сам "обряд перехода", превращающий обыч-

ного смертного в государя, но и оглашение, “опубликование” такого превращения. Тайной коронации не может быть по определению. Недостаточно публичное потому, что коронация – действие литургическое и происходящее в стенах храма, а ни один храм не в состоянии вместить всех тех, кто в позднем средневековье имел право, желание и возможность засвидетельствовать обряд помазания и возложения венца на монаршую главу. В такой двойственности видится существенное отличие коронаций XIV–XV вв. от подобных же церемоний VIII–XII вв. На раннесредневековой коронации присутствовало, по всей видимости, существенно меньше людей, чем в последующие века, и места даже в скромных храмах той поры им вполне могло хватать, но коронация при этом была все равно более “публичной”, чем позже. Просто круг “значимых свидетелей” в первые столетия средневековья был несравненно уже, чем после серьезных социальных сдвигов, начавшихся в XI–XII вв.

Недостаток публичности позднесредневековых коронаций настоятельно требовал изобретения некоей замены, каких-то “квазикоронаций”, т.е. действий, которые смогли бы хоть отчасти утолить “жажду присутствия” у тех, кому не посчастливилось оказаться в храме. Это были простолюдины, придворные, бюргеры, дворяне, монахи и священники, школяры, солдаты, канцеляристы и нотариусы – короче, представители всех мыслимых социальных групп, за исключением, разумеется, высшей знати, которой и при коронациях были обеспечены лучшие места. Именно необходимость “обозначить” коронацию для всей этой пестрой публики, необходимость, которая, впрочем, вряд ли кем бы то ни было тогда отчетливо сознавалась, и привела, думается, к “обрастанию” первоначально чисто храмовой церемонии рядом торжественных действий, открытых взору всех и каждого.

Вроде бы необязательные (особенно на первых порах) публичные “прологи” и “эпиплоги” обряда коронования не могли, казалось бы, претендовать на серьезное правовое значение. Тем не менее именно они все больше и больше выступают на первый план в позднесредневековых источниках. И дело тут не столько в том, что власти стали внимательнее к организации такого рода “приложений” к коронациям (что, впрочем, тоже имело место), сколько в специфике восприятия и описания. Все больше “значимых свидетелей”, в том числе и не чуждых пера, оказывались не в коронационном храме, а за его стенами. Это их впечатления донесены до нас в первую очередь и в наибольшем количестве. Это их картина коронации нам наиболее известна. И именно ради них в конечном счете происходило постепенное усложнение коронационных торжеств в ходе “изобретения” или же “переакцентирования” ряда – вначале второстепенных – действий под открытым небом. Со временем оказывается, что без правильного соблюдения этого, казалось бы, необязательного “довеска” к коронационной литургии и сама коронация если и не обесценивается полностью, то во всяком случае утрачивает часть своего блеска. Ответ предстоящей коронационной мистерии придавал сцене встречи государя сильные правовые и психологические акценты, которые не были присущи ни-

какому иному *adventus domini* в Германии. Это же, наверное, и заставляло заниматься регламентированием коронационного въезда едва ли не с той же тщательностью, что и самого коронавания.

Коронационный въезд стал особо значим даже в Реймсе, располагавшем с XIII в. очень вместительным собором, где по традиции проводили помазание на царство французских монархов. Тем больше “удельного веса” должно было прийти на церемонию въезда германского короля в Ахен, где храм, в котором ему предстояло принимать корону, сохранял в основном форму и размеры, установленные еще при Карле Великом⁴⁶.

Любопытно рассмотреть, при помощи каких элементов (помимо “римских” споллий) шло развитие и обогащение формы ахенского коронационного въезда – своеобразной публичной квазикоронации. Из собственно коронационных процедур тут вряд ли что-нибудь можно было позаимствовать, а локальная городская традиция *adventus domini* не представляла особых дополнительных возможностей. И здесь обнаруживается еще одна грань рассматриваемой ситуации. Благодаря коронациям Ахен стал отличаться от прочих имперских городов особой “близостью” к империи, понимаемой в качестве безличной сущности, абстрактного принципа – источника власти и сана всякого германского государя. Когда ахенцы украшали фасад одного из важнейших городских зданий большими скульптурами императора и курфюрстов, когда именовали свой город “престолом империи” (*sedes imperii*), они подразумевали именно свою сопричастность этому источнику. Однако и государи соглашались на то, что ахенская городская община по-своему прикосновенна к имперской власти наряду с курфюрстами и самими королями. Абстрактная и безличная идея империи, как это часто бывало с безличными и абстрактными идеями в средневековье, выражалась нередко при помощи вполне конкретных персонификаций. Для Ахена такого рода воплощениями имперского принципа служил прежде всего и в первую очередь “воссоздатель империи” Карл Великий, а после него и другие императоры прошлых времен, например, Оттоны или Фридрих Барбаросса. Именно эта абстрактная и вместе с тем персонифицированная и определенная идея империи вполне определенно проявилась в некоторых сторонах коронационных въездов.

Более ранние “элементы” имперской традиции обнаруживаются в порядках, происходящих внутри ахенского храма, более поздние заметны скорее вне его стен. Такое пространственно-временное распределение вполне соответствует гипотезе о постепенном росте значимости внехрамных действий по мере развития ахенского коронационного въезда. Собственно уже сам храм св. Девы Марии воплощает имперскую традицию, поскольку он является любимым творением Карла Великого и вместе с тем его гробницей. Следующая, не столь очевидная, скорее даже едва угадываемая из очень ранних по происхождению деталей коронационного въезда встречается почти в самом конце ритуала встречи короля.

Церемония *adventus domini* в “обычном” германском городе завершается молитвой государя в главной церкви, порог которой он, кажется,

всюду переступает вполне самостоятельно. В Ахене же декан и старший каноник церкви св. Девы Марии вводят короля в храм, поддерживая его под руки, т.е. примерно тем же образом, как еще в 936 г., по словам Видуинда, вводил Оттона I архиепископ Гильдеберт, левой рукой “касясь” правой руки короля⁴⁷. Правда, Гильдеберт вел своего государя, чтобы помазать его на царство и короновать, а в XV в. коронационный въезд оканчивался торжественной мессой, сама же коронация следовала лишь спустя несколько дней. Создается впечатление, что в этом месте церемония ахенского *adventus* впитала в себя частичку ранней коронационной процедуры. На это есть и еще один намек.

При вступлении в любой свой город государь выслушивает заключительную мессу непосредственно перед главным алтарем, в Ахене же покрытая дорогими тканями и украшенная балдахином скамеечка, на которой должен преклонить колени государь, устанавливается в геометрический центр круглой в плане каролингской церкви – точно под купол⁴⁸. При этом как бы забывается, что на протяжении второй половины XIV в. к древнему ахенскому храму была пристроена просторная алтарная часть – хор. Главный алтарь Девы Марии со знаменитым *palais d'or* – золотым престолом позднеоттоновских времен – был перенесен, естественно, в глубину нового хора, так что колени преклоненный в центре каролингского “октогона” государь оказывается на неоправданно большом удалении от алтаря⁴⁹. Так почему именно это место обладает “скрытой” сакральностью, более притягательной, чем даже сакральность алтаря? Подобный вопрос, похоже, задавали себе и организаторы церемонии, в XV в. уже не вполне понимавшие значение позиции в центре храма. По крайней мере с коронации Сигизмунда в 1414 г. существует как бы компромиссный вариант: государь молится в центре “октогона”, пока орган и хор исполняют “*Te Deum*”, а затем каноники поднимают его и ведут в хор к алтарю, на который король возлагает свое пожертвование и затем снова возносит молитву⁵⁰.

Конечно, сам необычный план каролингской постройки располагает в известной мере к особой оценке точки пересечения его диаметров. Но нет ли тут еще и воспоминания о действиях, на самом деле совершавшихся именно в этой части храма? Из цитированного уже описания коронации 936 г. ясно, что архиепископ поставил Оттона I именно в центре храма, после чего “представил” его стоящему в галереях по кругу “народу” и призвал поднять к небу правые руки тех, кому по душе этот король⁵¹. И впрямь, не для молитвенного общения короля с богом, а для представления, “показа” нового государя собравшейся знати, для церемонии единодушного избрания его “всеми” лучше всего подходит как раз середина церкви. Не сталкиваемся ли мы, выясняя расположение красивой скамеечки, на которой благочестиво преклонял колени государь позднего средневековья, с ритуальным реликтом – “воспоминанием” о значимости позиции в центре храма в те времена, когда элемент “представления” государя “народу” играл немалую роль?

Однако молитва в центре храма – “ответ” не только избрания в давние времена, но и ранних коронаций как таковых – на второе указывает

поза молящегося “под короной” государя. Он сначала стоит на коленях, а “потом простирается ничком на ковре, вытянув руки”⁵² в форме креста; этот редкий для европейского Запада проскинезис – явная “цитата” из древнего порядка коронационной литургии.

Та же сцена молитвы государя посередине церкви позволяет более уверенно указать еще на один мотив имперской традиции в коронационном вьезде, но уже из времен не Оттонов, а Штауфенов. Новый король, слушая мессу в центре круглого храма, находился, как формулируют источники, “под короной”⁵³. Судя по этому выражению, современники видели в предмете, свисавшем на длинной цепи из подкупольного пространства прямо над головой государя, вполне подходящий к случаю символ. Речь шла, собственно, о светильнике, по форме напоминавшем огромный венец. На самом деле он изображал Небесный Иерусалим, как бы спускающийся в сиянии света на землю. Мотив Небесного Иерусалима задан, кажется, уже при строительстве ахенской придворной “капеллы” самой ее архитектурной формой, удвоение же этого образа при помощи светильника призвано, вероятно, подчеркнуть апокалиптические черты, как хорошо известно, присущие как ученым, так и массовым представлениям об империи и о ее главе. Принимая во внимание, что “корона” была к тому же изготовлена для храма Девы Марии по заказу императора Фридриха I Барбароссы (память о чем бережно сохранялась в Ахене), роль этого светильника в местных традициях (к числу которых относится и коронационный вьезд) должна была возрасти еще более.

Фридрих I Барбаросса не только всячески поддерживал светский “имперский” культ Карла Великого, он добился и официальной канонизации церковью первого франкского императора. При Штауфенах Карл Великий окончательно становится одним из самых главных покровителей империи на небесах. Понятно, почему “персональное участие” святого императора в сцене встречи нового короля едва ли не центральный элемент “имперской традиции” в Ахене. Трудно сказать определенно, как выглядело это участие раньше середины XIV в. – вряд ли в процессиях носили тяжелую двухметровую раку, изготовленную для останков Карла Великого в начале XIII в. Скорее, на такие случаи имелся какой-то сравнительно небольшой выносной реликварий. Когда Карл IV после своей коронации в Ахене в 1349 г. решил подарить храму роскошное обрамление для “головы Карла Великого”, он, вероятно, не заказывал нечто совершенно новое, а “обновлял” уже имевшееся к той поре. Изготовленный на средства Карла IV выразительный бюст знаменитого императора из местными позолоченного серебра до сих пор хранится в ахенском храме⁵⁴. Он относится к числу так называемых “говорящих реликвариев”, своей формой указывающих на характер спрятанных в них реликвий. В данном случае святыней была черепная крышка Карла Великого. На золоченых кудрях скульптуры лежит красивая корона XIV в., скорее всего сделанная в пражской мастерской для коронации Карла IV. Подобно тому, как корона Чешского королевства украшала в Праге голову статуи св. Вацлава и могла покидать чело святого покровителя Чехии только для торжествен-

ного акта коронации очередного государя, корона германского королевства, по замыслу Карла IV, видимо, должна была стать такой же “собственностью” святого Карла Великого⁵⁵.

Именно этому реликварию (как и вообще образу Карла Великого) отводилась весьма важная роль в коронационном въезде. Не успев миновать городские ворота, король должен был не только целовать крест, но и “наклонением головы” (*declinando caput*) выказать почтение бюсту Карла Великого⁵⁶. Точнее было бы сказать, что новый король приветствует самого знаменитого императора, поскольку реликварий не только изображал Карла, но и нес в себе часть его брэнной и святой плоти. В случаях же с расчлененными реликвиями всем было прекрасно известно, что и их мельчайшая частичка по содержащейся в ней силе равняется целому. Говоря иначе, присутствие одной только черепной крышки Карла Великого было равнозначно присутствию самого легендарного императора.

То, что король только кланяется реликварию, но не целует его, как было принято (насколько можно судить по известным источникам) в отношении выносных рак святых в других городах, не лишено, кажется, серьезного правового смысла. Король приветствует в лице Карла Великого не просто местного святого – покровителя данного города, но и *своего собственного государя*. А раз так, то вполне логично, что поцелуй, правовое значение которого обычно состоит в обещании мира, заменяется поклоном, т.е. зримым выражением зависимости, подчиненности.

В процессии, направляющейся от ворот к ахенскому храму, Карл Великий – главный участник. Над ним несли расшитый золотом балдахин даже в тех случаях, когда “живые” монархи, прибывшие на свою коронацию, из смирения отказывались от полагавшейся и им столь же высокой чести⁵⁷. То ли восемь, то ли двенадцать горожан у бюста святого императора изо всех сил дули в огромные кривые рога из меди, и этот рев привлекал внимание каждого к смысловому центру процессии. Ценность мест в шествии, судя по цитировавшемуся уже “порядку” для ахенского духовенства, определяется в зависимости от их близости либо к королю, либо к “Карлу Великому”. Этот документ настаивает, в частности, на том, что *непосредственно* перед королем едет курфюрст Саксонский с обнаженным мечом в руках, *непосредственно* перед курфюрстом каноники несут “голову Карла Великого”, а *сразу* перед реликварием движется процессия духовенства⁵⁸. Категорический тон этой “инструкции”, впрочем, обманчив. Требуемый вроде бы столь строго порядок не соблюдался в точности ни при Фридрихе III в 1442 г., ни при Максимилиане в 1486 г. Тут приходится иметь дело с весьма обычным (по крайней мере в Германии) случаем, когда нормативный по своему облику текст оказывается при проверке лишь слегка отредактированной записью прецедента. Шествие, действительно, строилось по указанному сценарию, но только однажды – при въезде Сигизмунда в 1414 г. “Инструкция” для следующей коронации – Фридриха III – просто воспроизводила порядок, имевший место в последний раз. Именно поэтому в начале статьи этот документ был назван “квазиинструкцией”. В реальности отклонения от “квазиинструкции” в

1442 г. состояли в том, что между “Карлом Великим” и курфюрстом Саксонским с его имперским мечом оказалась толпа герольдов, трубачей, флейтистов и прочих “менестрелей” со всех концов империи, то и дело кричавших: “Rex regum et dominus dominorum esse venit” (“Се грядет царь царей и государь государей!”), а между курфюрстом и королем ехал еще архиепископ Трирский⁵⁹. Последнее представляло собой весьма вольную интерпретацию порядка торжественного шествия, установленного Золотой Буллой 1356 г.⁶⁰ В 1486 г. сразу за “Карлом Великим” ехало несколько герцогов и архиепископ Зальцбургский, т.е. высшие князья империи, но не курфюрсты, затем императорский герольд⁶¹, за ним в ряд трое курфюрстов – архиепископ Трирский слева, пфальцграф справа и герцог Саксонский с мечом посередине, затем император Фридрих III и лишь потом прибывший короноваться Максимилиан в окружении еще двух церковных курфюрстов. Надо признать, что этот порядок при всей своей необычности и несоответствии букве Золотой Буллы позволял удовлетворительно решить две проблемы. Первая – это продолжавшееся, похоже, соперничество “за место” между архиепископом Трирским и герцогом Саксонским и вторая – необычное присутствие в одной процессии сразу двух венценосцев, имевших право на одни и те же почести, – императора и Римского короля.

Итак, прецедент времен Сигизмунда так и не отлился в твердый обычай, поскольку, очевидно, не нашлось князей, особо заинтересованных в сохранении именно такой последовательности шествия.

Действительно неизменным в порядке шествия оставалось несение реликвария *перед* будущим королем, на большем или меньшем удалении от него, что могло иметь, очевидно, сразу несколько смыслов. Новый король ехал за “Карлом Великим”, приближаясь к храму, построенному Карлом Великим, где ему предстояло принять знаки власти, некогда принадлежавшие, как считалось, Карлу Великому. Позолоченный император франков как бы вел за собой нового государя, санкционируя его восшествие на престол. Король же, *следуя* за Карлом, как бы демонстрировал свою готовность *следовать* за ним и в делах правления. Ученый клирик мог бы, возможно, усмотреть в таком порядке и еще один смысл – корона в Германии передается не по праву наследования (само упоминание о котором было специально изъято даже из вообще-то мало подверженного изменениям текста коронационной литургии), а по праву избрания. Сходным образом передается и папская тиара. Но не без связи именно с тем, что каждый новый папа римский не является, строго говоря, наследником своего предшественника, он считается непосредственным наследником (*heres*) самого апостола Петра. Не означает ли порядок ахенской процессии еще и того (впрочем, не высказывавшегося, кажется, в правовых трактатах) мнения, что каждый новый Римский король наследует *непосредственно* самому св. Карлу Великому? Подобная параллель была бы возможна в контексте столь естественного тогда и столь мало учитываемого сейчас представления о “симметричности” империи и церкви. Если же видеть в реликварии Карла Великого не столько воплощение

Ахенская “волчица”. Позднеантичная (?) бронзовая скульптура

франкского императора, сколько персонификацию идеи империи, то отпадает и необходимость разыскивать какие-либо аналогии у канонистов – мысль о том, что государь получает *imperium* не от своего предшественника, а от абстрактной и вечной империи, стала общим местом в позднесредневековых учениях. Намек на подобную логику содержится и в процессии 1486 г., когда император Фридрих III хоть и ехал между “Карлом Великим” и собственным сыном и преемником Максимилианом, но в отличие от них не блистал золотом, а был одет подчеркнуто скромно – во все черное, и сидел к тому же на вороном коне, покрытом черным чепраком, а не на белом, как положено государю и, в особенности, государю государей – императору.

Традиционное построение “въезда” с франкским императором впереди имело, скорее всего, и еще один подтекст – глазам нового государя на всем его пути в храм был представлен “живой” пример славного и доблестного правителя – Карла Великого – во всей реальности и почти что во плоти... Этот дидактический момент (характерный и для коронации, и вообще для многих “обрядов перехода”) получил в Ахене на протяжении XV в. дальнейшее развитие. Источники дают редкую возможность проследить за становлением нового обычая, призванного, похоже, придать больше красок “имперской” составляющей коронационного въезда. Местные, чисто ахенские и сугубо локальные городские достопримечательности вдруг начинают переосмысливаться в новом ключе в плане “имперской традиции” и дают повод устроить в ходе въезда еще одно ритуализированное действие, доступное для всеобщего наблюдения.

Перед каролингскими бронзовыми дверями храма Девы Марии с давних пор стояли два литых изваяния. Средневековые ахенцы называли их по-разному: одно то “волчицей”, то “медведицей”, второе – то “клевером”, то “листьями”...

“Медведица” (или, скорее, все-таки “волчица”) была изготовлена примерно в конце II в. и, возможно, привезена в Ахен еще Карлом Великим из похода в Италию. Некоторые современники видели в ней вторую римскую волчицу⁶², а значит очередное подтверждение намерения императора превратить Ахен в новый Рим. Другая бронзовая скульптура некогда представляла собой навершие фонтана в виде сильно увеличенной шишечки пинии⁶³. Этот архитектурный мотив был широко распространен в провинциях Римской империи и в раннесредневековой Европе.

В описании встречи Сигизмунда в 1414 г. упоминается только “волк”, причем лишь в скромной роли пространственного ориентира: несколько впереди “волка” ожидают прибытия короля архиепископ Кёльнский и аббат монастыря св. Корнелия. При появлении государя они почтительно приветствуют его и ведут с двух сторон, вероятно, под руки, “вплоть до волка”. Там короля встречают декан и старший каноник и тем же порядком вводят его в церковь⁶⁴. Пока что в этой сцене обращает на себя внимание только “разделение функций” между двумя парами “хозяев”: первая как бы представляет церковную провинцию и диоцез, вторая – собственно ахенский храм. В “сценарии” встречи Фридриха III в 1442 г. уже ясно предусматривалось намерение при приближении к “медведице” просветить государя насчет того, “что она означает”⁶⁵. В подобном же “сценарии” встречи Максимилиана в 1486 г. предписывалось декану и старшему канонику, “получив” в свои руки короля, объяснить ему, что именно символизирует не только “медведица”, но и “клевер”⁶⁶. Один рассказ о коронации Максимилиана доносит до нас содержание информации, которой публично делились с королем ахенские клирики. Оказывается, настоятель (или вице-декан) объяснял, что король должен так же оборонять свое королевство, как волчица (медведица), которая лучше всех других животных защищает детенышей. Что же до пинии, то придать ей столь же учено-аллегорический смысл оказалось явно труднее. В итоге она предстала не в качестве растения, а как... “множество языков” и призвана была указывать на то, что Римскому королю должно предводительствовать “всеми языцами” (т.е. всеми народами)⁶⁷.

Хотя в ахенских коронационных въездах уже определенно обозначились три разные традиции – “обычного” городского *adventus domini*, “римско-епископская” и “имперская”, не все детали рассматриваемой ситуации могут быть отнесены к одной из них. Вернемся от стен храма Девы Марии к самому началу церемонии встречи монарха на подъезде к Ахену.

На границе городских владений государя встречают члены совета, которые почтительно приветствуют его и едут небольшую часть пути к городу рядом, “разговаривая с ним, как это издавна принято”⁶⁸. Затем го-

рожане пришпоривают коней и скачут вперед, чтобы “не мешать” торжественному вступлению короля в город. Встреча горожанами (или, например, князем) государя на рубеже собственных владений и сопровождение его потом до стен города или резиденции – самое обычное в средние века проявление вежливости и лояльности, часть *adventus domini*. Но одна вскользь упоминаемая источниками деталь отличает ахенскую встречу от любой иной. Прибывший на коронацию Максимилиан предъявил бургомистру Ахена грамоту о своем избрании⁶⁹, к которой были привешены печати, очевидно курфюршеские⁷⁰. Ничего подобного нет в обычаях королевского въезда в другие города в Германии, да, кажется, и в иных странах. Невозможно представить, чтобы, скажем, французский король при вступлении в Реймс “представлял” местным властям какое бы то ни было “письменное доказательство” собственной легитимности.

Весьма своеобразный ахенский обычай явно “разыгрывает” сцену прибытия не общепризнанного короля, а лишь претендента на корону, в чьих правах местному бургомистру еще нужно разбираться. В основе подобной традиции скорее всего должен был лежать вполне конкретный случай, но случай довольно давний, ведь спокойное избрание самого Максимилиана не оставляло повода для сомнений в “законности” его желания принять корону. В таком случае сцена предъявления грамоты, как нередко бывает в ритуалах, представляет собой “замороженный” фрагмент обстоятельств, сложившихся когда-то однажды и произведших в прошлом глубокое впечатление на современников.

Когда же ахенские бюргеры могли действительно опасаться впустить в свой город не “подлинного” короля, а самозванца? Подходящих случаев достаточно: в XIV в. весьма непростыми были восшествия на престол как Людвига Баварского, так и Карла IV, а в первой четверти XVI в. – и Рупрехта, и Сигизмунда. Обычная форма вежливого отказа ахенцев подозрительному, по их мнению, претенденту на корону состояла, однако, вовсе не в том, чтобы в последнюю минуту изучать и опротестовывать развернутый перед их глазами документ об итогах голосования курфюрстов. При приближении к Ахену не вполне убедительного кандидата городской совет заранее направлял ему письмо с предложением разбить лагерь у стен города и ожидать в течение определенного срока – от нескольких дней до нескольких недель, – пока перед ним распахнутся ворота⁷¹. За это время, по расчетам ахенцев, либо одна из борющихся за корону “партий” окончательно одержит верх, либо же положение дел в империи прояснится каким-нибудь иным образом. Именно с помощью такой уловки ахенцы сорвали первые попытки короноваться и Карла IV, и Рупрехта. Зачем же надо было бургомистру прилюдно знакомиться с каким-то документом?

Сомнительному претенденту не устраивают торжественной встречи, а ведь предъявление грамоты об избрании – не что иное, как ее начало. Для чего разыгрывать сомнение и недоверие, если все участники сцены, надо полагать, заранее уверены в благополучном исходе “освидетельствования” нового государя? Ответ, кажется, можно обнаружить, обратив-

инись к истории смут XIV–XV вв. В качестве времени вероятного рождения необычного ахенского обычая лучше всего подошел бы последний в истории Германии случай “двоецарствия”. В 1410 г. венгерский король Сигизмунд Люксембург был “избран” на германский престол всего тремя голосами курфюрстов (один из которых был весьма спорным) и к тому же в ходе столь сомнительной процедуры, что этот государь на первых порах считался едва ли не самозванцем⁷². Однако неожиданно скорая смерть его соперника вынудила всех князей-избирателей во избежание худшего смириться с кандидатурой Сигизмунда и провести повторные, на сей раз вполне единодушные, выборы. Как раз накануне коронации теперь уже не полусамозванца, а бесспорного короля в 1414 г. и имело смысл предъявить ахенским горожанам грамоту, снимавшую всякие сомнения в его легитимности.

Разумеется, и в 1414 г. это действие могло быть только демонстрацией, т.е. не признанием нового короля, а “опубликованием” уже состоявшегося признания. И бургомистр и городские советники в Ахене всегда прекрасно осведомлены о всех политических новостях в империи, так что им нет никакой “практической” нужды в чтении про себя или вслух длинного и перегруженного канцелярскими документа⁷³. В этой сцене основная роль, похоже, отводилась вообще не тексту нотариального акта как таковому, а привешенным к грамоте и хорошо заметным вблизи и издали печатям. Собственно, именно они и обратили на себя внимание очевидца въезда Максимилиана. Особое значение печатей в данном случае не требует специальных разъяснений, если “сценарная идея” состояла в том, что новый король должен “доказывать” не сам факт своего избрания как таковой, а то что на этот раз выборы проведены *большинством* курфюрстов, и потому результат бесспорен. В таком контексте количество привешенных к свитку печатей и есть главное его содержание, понятное любому зрителю, даже неграмотному, лишь бы он умел считать до семи и слышал что-нибудь о семи имперских князьях-избирателях^{73а}.

Если рассматриваемый обычай родился, действительно, при Сигизмунде, а зафиксирован был только в 1486 г. при Максимилиане, логично предположить, что и в 1442 г. Фридриху III также приходилось разворачивать грамоту перед ахенским бургомистром, хотя никаких свидетельств тому и не сохранилось. Такая демонстрация грамоты и печатей – типичный пример “окаменевшего прецедента”. Действие, обладавшее в единожды сложившейся обстановке “реальным”, практическим смыслом, теряет его, будучи “случайно” подхвачено традицией и воспроизводимо в совершенно иных условиях. Но это же действие, закрепленное обычаем, приобретает новый, ритуальный, смысл – самим фактом своего воспроизведения в положенном месте и в положенное время оно создает и подтверждает общую “правильность” происходящего.

На предшествующих страницах позднесредневековый коронационный въезд в Ахен был как бы расщеплен на составляющие его традиции, среди которых обнаружили и довольно древние, и сложившиеся неза-

долго до рассматриваемых времен. Едва ли не каждое существенное звено в этих традициях было рассмотрено и по возможности "разумно" объяснено. Однако помимо парадной стороны, у любого торжества есть и вполне будничная изнанка, которая обычно не интересует историков, тем более склонных предъявлять читателю прошлое сотканным чуть ли не из одних только звонко-хрустальных символов, эфирной чистоты знаков и рафинированных смыслов. Столь возвышенный и "соотнесенный с ценностями" взгляд способен до бесконечности проникать в "знаковость" средневековой процессии, но он, конечно же, не в состоянии обнаружить, что улица, по которой полтора-два часа медленно проезжали тысячи две⁷⁴, три⁷⁵, а то и больше всадников на хорошо накормленных конях, должна быть изрядно завалена лошадиным навозом⁷⁶.

Конечно, любование навозными кучами без внимания к семиотичности всего, что вокруг них, было бы еще более прискорбным ограничением поля зрения источника. Но поскольку дань выявлению заложенных или, точнее, отложившихся в коронационных въездах "смыслов", уже была выше отдана сполна, позволительно уделить несколько строк и реалиям "бессмысленным", т.е. таким, что скорее мешают, нежели помогают воспринять "истинное" содержание происходящего, и именно поэтому, кажется, имеют отношение больше к грубоватой и порой не слишком опрятной правде жизни, чем к эфирным идеальным типам.

Относительно стройная в своей обобщенности картина, нарисованная выше, начинает потихоньку размываться. Прежде всего при ближайшем рассмотрении выясняется, что "вступление" гостей в Ахен происходит, оказывается, уже задолго до того, как торжественная кавалькада приблизится к границе ахенских владений. Люди попроще из свит как государя, так и князей стараются прибыть заранее, причем, естественно, без всякого парада. Не зря в 1442 г. один рассказчик отметил, что еще накануне официального "въезда" по дороге от Кельна к Ахену и днем и ночью тянулись конные и пешие⁷⁷. Свидетель следующей коронации как бы дополнил предшественника, весьма прозаически объяснив, почему многие гости предпочитали добираться от рейнского берега на своих двоих: ездовых коней не хватало, за проезд же в повозке в те дни брали дикие деньги — по гульдену с человека⁷⁸.

Заботы главного организатора торжественного въезда в Ахен эрцмаршала империи курфюрста Саксонского, судя по его распоряжениям 1486 г., были далеки от "знаковой романтики". Его, похоже, беспокоила не выразительность процессии, а безопасность ее участников. Курфюрст заранее распределяет отряды герцога Юлихского и архиепископа Кельнского в авангард и арьергард колонны, потому что они "самые большие и хорошо вооруженные" и потому что земли в окрестностях Ахена принадлежат этим двум князьям⁷⁹.

Заранее и без особого шума герцог Саксонский отправляет в Ахен доверенных людей короля и князей (от некоторых из них требовалось знание французского) с заданием день и ночь быть начеку, чтобы совместно с городскими властями предотвращать и при необходимости подавлять любые

возможные волнения⁸⁰. Даже во вполне мирной обстановке 1486 г. опасения курфюрста не были, кажется, совсем беспочвенными. И при отсутствии вражеских заговоров коронация сама по себе создавала напряженную психологическую обстановку, в которой иногда просто сдавали нервы.

Так, на следующий же день после коронационного въезда 1442 г. и в некоторой связи с ним в городе случилась “великая тревога” — оказалось, ложная⁸¹. Кони, собранные для участия в процессии — не бесплотные символы — им требуются и овес и вода. Соответственно после приветственных торжеств лошадей погнали поить. Однако если для придания выразительности праздничной процессии чем больше коней, тем лучше, то на водопое все совершенно наоборот. В возникшей давке один из королевских слуг переругался со слугой пфальцграфа, и дело дошло до драки. В ходе потасовки первый из них свалился в воду “среди коней”, не смог, очевидно, выбраться, захлебнулся и утонул. Тут прочие люди короля, охваченные жаждой мести за товарища, подняли воинственный крик. Стоявшие в отдалении решили, что король приказал напасть на ахенских горожан. Молва тотчас же дополнила, что ахенцы первыми предали своего государя. Кто-то кричал, что король напал на пфальцграфа, а другие — наоборот, что это пфальцграф напал на короля. По улицам города мчались воины в доспехах и с обнаженными мечами. Во всеобщем беспорядке среди криков “Измена!” ни Фридрих III, ни пфальцграф, ни другие князья сначала вообще ничего не могли понять и лишь спешно надевали латы. Вооружались и горожане. Всеобщей свалки удалось избежать с превеликим трудом, главным образом потому, что пфальцграф сам добрался до короля, чтобы вопреки всем слухам засвидетельствовать ему свою верность⁸².

Возвращаясь к заботам главного “организатора” коронационного въезда 1486 г. — эрцмаршала империи, стоит подчеркнуть, что порядок торжественного въезда как такового он наметил лишь в самых общих чертах, предоставляя, очевидно, большой простор импровизациям отдельных князей и их придворных⁸³. И лишь когда уже во время шествия герцог Юлихский попытался оттеснить с более почетного места самого эрцмаршала, тому пришлось, возможно, вспомнить о важности деталей при составлении планов⁸⁴.

Однако до самой той минуты вопросы, связанные с символикой шествия, явно не слишком занимали эрцмаршала. Несопоставимо больше внимания курфюрст уделил, например, тому, как разместить по нескольким городкам и с теням многочисленных конников на последний перед вступлением в Ахен ночлег⁸⁵. Тот привал, впрочем, наверняка предназначался не только для сна, но и для приведения участников въезда в соответствующий случаю вид. Следующим утром они выступали уже, надо полагать, во всем парадном облачении, на которое вплоть до позднего послеобеденного часа будет оседать дорожная пыль. Только перед самым Ахеном весьма пожилой император Фридрих III выйдет из своего походного экипажа и все-таки усядется верхом на лошадь⁸⁶. С этой-то минуты походная колонна и превращается окончательно в торжественную процессию.

К тому времени ахенские горожане и многочисленные приезжие провели уже несколько часов на улицах в нетерпеливом ожидании государева въезда. Для всей этой публики *adventus domini* начинался, похоже, весьма прозаично и без особой символики. Вовсе не brave воины архиепископа или Юлихского герцога имели шанс первыми привлечь всеобщее внимание. Приближение князей давало о себе знать прежде всего появлением на улицах десятков квартирьеров, спешно занимавших дома для своих сеньоров⁸⁷. Затем в Ахен начинали под сильной охраной въезжать обозы — десятки повозок одна за другой. В 1442 г. только “красивых” на вид королевских фур с гербами Австрии насчитали почти полсотни, а за ними тянулось еще “большое число” не столь эффектных возов, принадлежавших как королю, так и всем прочим князьям⁸⁸. В 1486 г. первыми проехали какие-то слуги, повара, погонщики, а также несколько повозок со свитскими и даже господами. Этим людям все-таки повезло, хоть ездовых коней им и не досталось, потому что сразу же за ними дорогу перекрыли наглухо и более по ней никого не пропускали⁸⁹.

Только спустя час или два после всех этих не слишком занимательных предвестников зрелища появлялась собственно процессия. Но похоже, что в 1486 г. (как, наверное, и раньше) первые группы всадников скакали со скоростью значительно большей чем те, кто ехал вслед за ними, и в результате в шествии случались разрывы и прочие недоразумения, позволившие одному наблюдателю отметить “большой беспорядок” в том коронационном въезде⁹⁰.

Приведенных наблюдений, кажется, довольно для осознания того, что толпившийся на ахенских улицах народ воспринимал несколько другой “набор” знаков и символов, чем тот, который готов навязать “людям средневековья” историк, исходящий из “стерильного”, т.е. слишком “осмысленного” облика коронационных торжеств. В чем еще состоят особенности взгляда очевидцев, оставивших записки об ахенских явлениях государей? При всех индивидуальных различиях между этими людьми допустимо сделать несколько общих замечаний, касающихся их манеры видения и описания происходившего.

Коронационный въезд в XV в. виделся и воспринимался самыми разными наблюдателями по одной общей схеме — в то время универсальной для описания любой процессии. С какой бы точки в действительности ни наблюдал свидетель разворачивающееся перед ним действие, “лирический герой”, от чьего имени ведется впоследствии рассказ, всегда занимает только одну традиционную позицию. Иконографическое воложение его впечатлений представлялось бы чередой пеших и конных фигур, одинаково повернутых строго в профиль к наблюдателю и размеренно движущихся мимо него. Восприятие нашего свидетеля дискретно — он никогда не видит более одного-единственного “кадра”, т.е. той группы участников процессии, что сию минуту под прямым углом “задевает” его неподвижно направленный в одну точку взгляд⁹¹. Соответственно строит он и свое

описание, в котором "Item" или же "После этого" задают четкий ритм сменяющимся картинам. Правда, рамки каждой такой картины определяются не шириной или узостью поля зрения нашего наблюдателя, а содержанием увиденного, его смысловой целостностью. Один "кадр" может равно легко вместить 600 всадников Майнцского курфюрста с его трубаками, флейтистами и знаменосцем⁹², или герцога Юлихского с его 220 всадниками, или "сводный оркестр" из 51 трубака с барабанщиками, или трех придворных, разбрасывающих в толпу монеты, или только одного императора во всем черном⁹³. Вовсе нет нужды специально придумывать иконографические аналоги, они и так в достатке — от "хроники Констанцкого собора" Ульриха Рихенталя до, скажем, "Триумфа Максимилиана I" Дюрера, Альддорфера и Бургмайера-старшего. Художники, точно так же, как и сочинители, передавали свои впечатления в виде "нарезки" из отдельных, последовательно сменяющих друг друга "кадров", размещавшихся то по одному, а то и по несколько (сверху вниз) на каждой странице. И повествователь и рисовальщик равномерно протягивают перед глазами неподвижного зрителя ленту зрелища, четко разделенную на фрагменты, значимые эстетически и по содержанию. Процессия — это средневековый кинематограф.

Только в раннее новое время изменится манера изображения шествий, в том числе и коронационных въездов. Черета пеших и конных, парадных экипажей и всяческих фантастических повозок начнет (в решительном противоречии с действительностью) извиваться на листе бумаги гибкой змеей слева направо и обратно. Здесь зрителю уже не отводят место посреди толпы толкающихся и дышащих в затылок зевак. Он поднят силой искусства высоко над землей и оттуда, из своего гордого и блистательного одиночества, единым взглядом легко окидывает сразу все и всех.

Смена несколько наивного реализма немецких миниатюр XV в. в последующие столетия искусственной, сконструированной воображением композицией связана не только с прогрессом изобразительной техники (если таковой вообще имеет место). "Средневековое" дискретное восприятие процессии под влиянием сдвигов социального и общекультурного свойства уступает место иному, куда более целостному. Так, скажем, желание обозреть сразу все шествие вполне естественно при появлении склонности к подробной "тематической разработке" всякого публичного торжества, сочинению строгих сценариев празднеств на основе четких эстетических и идеологических концепций. В этой склонности угадывается твердая рука властного ценителя прекрасного — заказчика достаточно богатого, чтобы поставить себе на службу искусство, и достаточно могущественного, чтобы заставить повиноваться себе сотни людей. Иными словами, в новой манере показа процессии дает о себе знать новая эпоха — эпоха абсолютизма.

Во всем XV в. за пределами Италии (и, может быть, Бургундии), не удается найти "властного и богатого" правителя, который мог бы добиться полного художественного и идейного единства в стиле даже своего соб-

7. Одиссей, 1997...

ственного коронационного въезда. И уж германский король располагал в этом отношении меньшими возможностями, чем многие иные европейские государи. Как было уже показано, имперские власти могли задать общую последовательность “королевского въезда”, да и то не всегда дело обходилось без трений. В остальном всякий князь – участник процессии – был совершенно самостоятелен, и единство шествия было не чем иным, как единством механического сцепления отдельных “модулей”, каждый из которых был значим и для участников, и для очевидцев прежде всего сам по себе, вне особой связи с остальными.

Соответственно и столь характерное для свидетелей каждого ахенского въезда внимание к его цветовому оформлению не имеет никакого отношения к оценке эстетических качеств процессии. Масти коней, вид их сбруи и тем более пестрые костюмы участников, описываемые даже по памяти без всяких записей⁹⁴ со множеством деталей – вплоть до каких-то полосочек на рукавах камзолов или редкостного вида крестиков на рясах – не более и не менее чем маркировка, разбивающая цепочку шествия на смысловые отрезки. Ту же роль играют, собственно, и золоченые латы⁹⁵ у одних, и оружие в очень хорошем состоянии у других, и лисьи хвосты на концах пик⁹⁶ – у третьих. В чередовании разноцветных ливрей, в переходе от пик с лисьими хвостами к пикам безо всяких хвостов или даже к арбалетам нет никакого художественного замысла, как нет и никакой связи, кроме единственной – все это средства отметить (и дать запомнить) последовательность, очередность прохождения в процессии имперских князей и прочих достойных людей.

Именно эта очередность вызывает, похоже, наиболее живой интерес у современников, в том числе и зрителей. Лапидарное перечисление имен участников коронационного въезда (как и любой другой торжественной процессии) в соответствии с порядком их движения – уже безусловно ценная информация, иначе подобные списки не заполняли бы бесчисленные страницы опубликованных и неизданных документов. Если вдруг знающий наблюдатель не узнавал кого-то в череде проезжавших мимо него князей, он обещал срочно навести соответствующие справки⁹⁷.

Наш очевидец не замечает ни лиц, ни, скажем, комплекции, ни иных индивидуальных черт во внешности или поведении рассматриваемых им людей – да и не люди занимают его вовсе. Он видит, похоже, череду обезличенных носителей определенных общественных статусов и его очень интересует последовательность, в которой эти антропоморфные принципы социального устройства предстают его очам. Средневековая процессия (в отличие уже от ренессансной) не обязана быть ни красивой, ни “идейно насыщенной”. Ей достаточно воплощать только одно – общую упорядоченность в устройстве общества и всего мира.

Именно так – в качестве отражения социального порядка – ощущали, кажется, и коронационные въезды наши информаторы. Маленькое наблюдение в подкрепление этого тезиса. Об уже упоминавшемся “великом беспорядке”, с которым въезжал в Ахен Максимилиан, проговорился (едва ли не против собственной воли) лишь один свидетель. Но этого “беспо-

рядка" не заметил никто другой из многочисленных очевидцев! А если бы наш рассказчик сдержался и не бросил свою единственную критическую реплику, то и его повествование не дало бы нам никаких оснований для упреков в адрес организаторов. Рассказчик описывает не столько то, что видит, сколько то, что должен увидеть, оттого он и не в состоянии "разглядеть" случайно возникшего недоразумения в действии, весь смысл которого состоит как раз в предъявлении и утверждении всеобщего порядка.

Стереотипы восприятия дают о себе знать и в неправильных описаниях свидетелями некоторых характерных деталей, прежде всего чисто ахенского происхождения. Так, поклон короля "главе Карла Великого" уверенно передается рядом очевидцев как поцелуй⁹⁸. Ошибка легко объясняется – целование государем реликвария с останками особо чтимого местного святого – стандартный элемент почти всякого *adventus domini*. Королевское лобзание в таких случаях – это как бы *osculum pacis* ("поцелуй мира"), даруемый государем всем горожанам в лице их небесного покровителя. В Ахене знак "обещания мира" заменяется знаком подчиненности, поскольку местный патрон оказывается и патроном всей империи. Однако свидетели не готовы увидеть то, что не согласуется с их личным опытом^{98а}.

Если уж не был опознан в качестве такового поклон, то тем более "невидимым" остается "двойное" моление государя в храме – сначала "под короной", а затем прямо перед алтарем. Многие свидетели, по собственным впечатлениям или же с чужих слов, отмечают лишь то, что не составляло местной ахенской специфики, т.е. моление у алтаря⁹⁹.

Наблюдатель, искренне решивший, что королевский конь перед церковными вратами достается не герцогу Юлихскому, а настоятелю храма, наверное, слишком хорошо знал обычаи какого-нибудь из рейнских городов¹⁰⁰.

Еще одна характерная ошибка имеет несколько иное происхождение. Корона на голове "Карла Великого" была изготовлена в середине XIV в. и подарена ахенскому храму Карлом IV. Но по прошествии чуть менее полутора веков память об этом даре, наверное, изрядно повыветрилась. Во всяком случае, очевидцы уверены, что корона принадлежала некогда самому Карлу Великому¹⁰¹. Тут срабатывает обычный закон уподобления, уже превративший чуть ли не каждый предмет из пестрого по составу и происхождению коронационного "комплекта" в реликвию, связанную с франкским императором.

Если попробовать определить, что изменилось на протяжении XV в. в "устройстве зрения" очевидцев ахенских въездов, можно отметить две разнохарактерные детали. Во-первых, в конце столетия зритель намного внимательнее к течению времени. Он замечает не только начало торжества, как раньше, но "хронометрирует" почти весь его ход, фиксируя возникавшие паузы, оценивая продолжительность всего действия¹⁰². Второе отличие менее бросается в глаза, но представляется также заслуживающим внимания. В описаниях ахенских процессий начала и середины XV в. неоднократно упоминавшийся реликварий называется неизменно попросту "головой Карла Великого". В 1486 г. чаще используются составные конструкции, например: "голова императора Карла в позолоченном фут-

ляре¹⁰³ или же “обрамленная в золото”¹⁰⁴. Создается впечатление, что в сознании зрителей конца столетия реликвия как таковая стала отделяться от своего эффектного вместилища. И когда один из зрителей хвалит красоту реликвария, но говорит, что он выполнен “на старый манер”¹⁰⁵ — это тожестораживает. Не проявляется ли в таких обмолвках нарастающая в подсознании неудовлетворенность “способом воплощения” Карла Великого? Ведь расщепление центрального образа на форму и содержание означает по сути дела его умирание.

Пройдет три десятилетия, и в 1519 г. в Ахен прибудет на коронацию юный Карл V. Как и предшествующих королей, встречать его выйдет “сам” Карл Великий, но теперь император франков предстанет в виде великана, намного выше самого высокого человека. Историки порой склонны видеть в этой, столь решительно обновленной, версии “Карла Великого” искусный автомат, на которые так богат начавшийся XVI век¹⁰⁶. Но, может быть, проще допустить, что новый колосс был просто огромной куклой, наподобие тех, что и сегодня развлекают народ по праздникам в соседних с Ахеном городах современной Бельгии. Как бы то ни было, новые времена потребовали совершенно нового воплощения главного героя действия...

На протяжении ныне уже почти прошедшего XX в. методологи-гуманитарии не уставали убеждать всех и каждого в том, что у истории есть, помимо прочих, исключительно важное измерение — оно задается сознанием историка, описывающего прошлое или даже в известном смысле его создающего. Это мнение побуждает взглянуть на интересующий нас предмет под несколько неожиданным углом зрения.

Если восприятию ахенских коронационных въездов очевидцами было уделено несколько страниц, не позволено ли пожертвовать в заключении несколькими строками, чтобы попробовать “выявить исторически и социально обусловленные особенности” образа этой исторической ситуации в сознании сегодняшнего историка? Конечно, можно наполовину в шутку призвать читателя вторично пролистать статью и самому высмотреть в ее тексте искомое. Но автор склонен поделиться своей, возможно и неточной, версией того, как его произведение “вписывается в историко-графический процесс”.

Коронационный въезд рассматривался выше в качестве примера относительно повторяющейся исторической ситуации, т.е. одного из возможных вариантов *малого общения*. При этом скромное и так сказать прагматичное (а не идеологическое) малое обобщение противопоставляется хорошо нам знакомым грандиозным и весьма претенциозным формам осмысления исторического материала, от всех разновидностей которых современное сознание, похоже, начинает уставать.

Накопившееся недоверие к многоэтажным теоретическим конструкциям и к проявившимся в них взглядам на мир (будь то из времен суровых 30-х или же либеральных 60-х) меньше всего побуждает к “углублению и совершенствованию” этих построений. Скорее напротив, наш нынешний

кризис исторического сознания (как и предшествующие кризисы такого рода) подводит к необходимости разобрать и рассыпать все ставшие привычно исторические абстракции. В таком легком вандализме, кажется, есть свой смысл – он позволяет вдоволь надышаться “простой” исторической конкретикой, не повязанной заранее большими и благородными идеями. Известный литературный персонаж с наивной и трогательной запальчивостью заявляет: “Строить – уже не наше дело. Сперва нужно место расчистить”. Но не стоит ли и впрямь немного порасчищать место в смутном и томительном ожидании, когда забрезжит действительно новое и современное понимание истории? А там, глядишь, и “настоящий день придет”, и новые идеи появятся, да и исторические теории сами собой начнут складываться – не хуже нынешних.

¹ Статья подготовлена при поддержке Международного научного фонда.

² McCormick S. *Eternal Victory. Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West*. Berkeley, L., 1986.

³ Alföldi A. *Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich*. Darmstadt, 1977.

⁴ Смышляев А.Л. Вступление наместника в провинциальный город: церемония *adventus* по Ульпиану // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 106–118.

⁵ Сохранились сведения о торжественных въездах Теодориха Великого, Дагоберта I и, возможно, Хлодвига.

⁶ О таких ассоциациях у современников свидетельствуют, в частности, тексты гимнов и молитв, звучавших во время *adventus*.

⁷ Тема королевского въезда в Ахен мельком затрагивается во многих работах. Однако попытку дать обобщенную картину этого действия предприняла, кажется, только А.М. Драбек: *Drabek A.M. Reisen und Reisezeremoniell der römisch-deutschen Herrscher im Spätmittelalter*. Phil. Diss. Wien, 1963. Основную литературу о вступлении средневекового (и в частности немецкого) государя в “его” город см.: Бойцов М.А. *Ephemerität und Permanenz bei Herrschereinzügen im spätmittelalterlichen Deutschland* // *Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft*. 1997. Bd. 24. S. 87–107.

⁸ *Deutsche Reichstagsakten: Ältere Reihe*. Göttingen, 1957. Bd. 16. N 101 (далее: RTA ÄR).

⁹ Вряд ли справедливо связывать этот обряд только с королевской харизмой. Так, в Шпайере один преступник, уже десять лет пребывавший в изгнании, проник в город, держась за стремя шпайерского епископа во время его торжественного въезда: “Do saße myn hette wieder uff sin pfer und volgt man der procesß die statt innhin nach, und hinge ime ein echter an den stegreiffe, der hette vor zehen jaren ein libeloß getan, und kame mit ime zu der statt innhin”. См.: *Quellensammlung der badischen Landesgeschichte* / Hg. F.J. Mone. Karlsruhe, 1848. Bd. 1. S. 359 (далее: QBLG).

¹⁰ В 1400 г. накануне въезда Рупрехта власти Страсбурга специально постановили, чтобы никто из осужденных не смел войти в город вместе с королем или королевой, пускай даже держась за кого-то из них, королевского коня или экипаж: “...kein ächter mit dem kunig oder mit der kunigin in die stat kamen solt, noch in noch iren pfarden oder wagen anhangen...” (QBLG. S. 259). При въезде Сигизмунда в Люцерн в 1417 г. несколько убийц (*todschleger*), ранее изгнанных из города, рассчитывали пройти вместе с государем в город и избавиться тем самым от наложенного наказания. Но городской совет обратился к королю с почтительной просьбой не нарушать старой городской привилегии, подтвержденной к тому же и самим государем. Тогда Сигизмунду пришлось призвать к себе тех убийц и сказать им словами Христа, что он пришел не отменить, но подтвердить закон, а потому помочь им не может. (См.: *Die Schweizer Bilderchronik des Luzerners Diebold Schilling 1513*. Sonderausgabe des Kommentarbandes zum Faksimile der Handschrift S. 23 fol. in der Zentralbibliothek Luzern / Hrsg. A. Schmid. Luzern, 1981. S. 88). В 1442 г. король Фридрих III ввел с собой в Цюрих одиннадцать преступников, которые смогли там остаться. (См.: *Peyer H.C.*

- Der Empfang des Königs im mittelalterlichen Zürich // *Archivalia et historica*. Festschrift für Anton Largiadèr. Zürich, 1958. S. 221). Однако спустя 32 года при аналогичной попытке во Франкфурте Фридриху пришлось смириться с тем, что 13 его протеже смогли находиться в пределах городских стен ровно столько же времени, сколько там пребывал сам государь. (См.: *Frankfurter Chroniken und annalistische Aufzeichnungen des Mittelalters* / Bearb. R. Froning. Frankfurt a.M., 1884. S. 200 (далее: FCh): "Dwil diß in siner nuwen erhogunge und werdekheit des keisertums sin erste zukunfft und inrittens was".
- ¹¹ RTA ÄR. N 100. S. 173: "Auch wann ain Römisch kung gen Ach komen ist... und verpannt lewt einkomen, als in andern stetten gewonhait ist, diselben leut mugen des kungs kunfft nicht lenger geniessen, wann alslang er zu Ach ist, wann die von Ach des freihait haben". Грамота с такой привилегией г. Ахена, впрочем, неизвестна.
- ¹² Для 1442 г. см.: *Ibid.* S. 172: "Wann der kung nun zu Ach inreit... so ist das pherd, darauf der kung sitz, der portner und der turner, die der statt huetten". Для 1486 г., см.: Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien). *Mainzer Erzkanzler Archiv*. Wahl- und Krönungsakten 1. Fol. 13: (далее: HNSA): "Item als der konynck tzeu portzen inkompt so is dat Ross / dae hey vp sitz der Stat portzen[er] ind asdan sall der konynck van dem Ross affstaen". См. также: *Germanicarum rerum scriptores varii* / Ed. M. Freher. Hanoviae, 1611. T. 3. P. 25 (далее: GRS): "Item Rege de equo descendente, erant ibi custodes ante portarium ciuitatis, pro eorum iure equum Regis recipientes".
- ¹³ Если, разумеется, король не желает выкупить своего коня за весьма приличную сумму. Максимилиану пришлось заплатить стражникам за первого отобранного у него коня 55 гульденов. См.: *Deutsche Reichstagsakten*. Mittlere Reihe. Bd. 1. Göttingen, 1989. N 876. S. 823; N 917. S. 956. (далее: RTA MR). Второго коня он выкупал дешевле – за 45 гульденов.
- ¹⁴ HNSA. Fol. 13: "Item so sall der konynck dan sitzen vp eyn ander Ross / ind as hey dan kompt vur vor vnser vraven monster / so is dat ander Ross des vaightz van Aiche". См. также: RTA ÄR. N 100. S. 172.
- ¹⁵ RTA ÄR. N 100. S. 172: "...sol ain Römischer kung reiten in die herberg. und dasselb phert, darauf er reit, das nimbt des bischof von Kholn marschalk".
- ¹⁶ Этот эпизод подробно описан современником и – возможно даже – очевидцем: *Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds* / Hrsg. W. Altmann. B., 1893. S. 470–471. Есть и соответствующая иллюстрация в малоизвестной рукописи этого сочинения: *Die Österreichische Nationalbibliothek* (Wien). Cvp 13975. Fol. 458. Подпись к миниатюре гласит: "Hie nemant des riches ertzdrochessen vnd amptlute als dz guldin / vnd silberin geschirre das man den he[r]ren zütische zu ach uff dem / rathuß fursatz wanne es ir gewonheit vnd recht ist vnd daru[m]be / wart des koniges volke mit ynen vneins vnd slugent einander dz / su wunt wurdent".
- ¹⁷ QBLG. S. 376. См. также: RTA ÄR N 108. S. 194.
- ¹⁸ См., например: RTA MR. N 917. S. 966: "...sobald der Kg. von dem turnhof absteyg vom pferde. auf stund was der H. von Nuwenar und nam des Kg. pferd mit allem guldinem gezeug und geschmeyd, wye der Kg. geritten was. Das was sein gerechtigkeit".
- ¹⁹ Обряд усаживания новоизбранного государя на алтарь документально зафиксирован в Германии с начала XIV по конец XVII в.
- ²⁰ Более ordinarily выглядит этот обычай в одном тексте середины XV в., возможно воспроизводящем куда более ранний: "После псалмов король спускается с алтаря, жертвует [деньги] и снимает с себя верхнее одеяние (*finito psalmo rex de altari descendat, offerat et vestem superiorem deponat*). Здесь также указывается, что "верхнее одеяние" принадлежит звонарю (FCh. S. 9). Для Вацлава в 1376 г. случившаяся, вероятно, такая же утрата плаща была компенсирована поднесением ему от городского совета шитого золотом кафтана ценой в 85 гульденов. См.: *Lersner A., Lersner A. Nachgehohlte, vermehrte und continuirte Chronica der weitberühmten freyen Reichswahl und Handels-Stadt Franckfurt am Mayn*. Frankfurt a. M., 1734. Bd. 3. S. 33–34.
- ²¹ FCh. S. 9: "...ante cimiterium de equo descendat, quem cui sors dederit obtinebit". Карл IV во время избрания своего сына Вацлава в 1376 г., по некоторым сведениям, повелел, чтобы во избежание беспорядков, нередко возникающих во Франкфурте из-за обладания конем, на котором едет новый король, впредь такой конь доставался за верную службу королевскому советнику Зигфриду Парадизу (и, очевидно, его потомкам). См.: *Lersner A., Lersner A. Op. cit.* Bd. 1. S. 80.

- 21а См. об этом также: *Bojcov M.A.* Op. cit. S. 89–90.
- 22 *Urkundenbuch zur Geschichte der Bischöfe zu Speyer* / Hrsg. F.X. Remling. Mainz, 1852. Bd. 1. S. 720: "Quando episcopus intronizatur ad civitatem Spirensis tunc debet introire equester per antiquam portam et equitare usque ad curiam dictam Buntel ibique descendit de equo et unusquisque officiatui cui pertinet de consuetudine, recipit ab episcopo, quod suum est, videlicet unus equum, dormentarius mantellum longum, in quo equitavit, et archipresbiter gladium ect."
- 23 *Kramml P.* Kaiser Friedrich III. und die Reichsstadt Konstanz (1440–1493). Sigmaringen, 1985. S. 80. Anm. 329.
- 24 "Und do der bischoff kam fur das münster, do nam juncher Jocop von Liechtenberg den hengest und behielt in im, wanne es was sin lehen" (QBLG. S. 274).
- 25 *Monumenta Wormatiensia* (Quellen zur Geschichte der Stadt Worms). B. 1893. Bd. 3. S. 332, 594, 606.
- 26 *Ulrich Richental.* Das Konzil zu Konstanz MCDXIV–MCDXVIII. Starnberg, Konstanz, 1964. Bd. 2: Kommentar und Text. S. 162: "Als nu der babst... abgestanden was, do fürt man das wiß pfärit, daruff er gessen was, uff den Obem hoff und wolf man es gezogen haben... Do kament des papstes kämerling und sin thorhütter und wolten es genomen haben, und mainten, es gehorte in, und des gelichen sin marschalcken, und hatten krieg darumb. Zudem do kament Hainrichs von Ulm sün und ir knecht und nament das pfärit und sprachent, es gehorte in zü, wann ir vatter burgermaister wär. Und das belai in och und fürten es haim". Вообще-то в соответствии с констанцкой традицией при въезде местного епископа он терял коня в пользу своего маршала, а не бургомистра. См.: *Kramml P.F.* Op. cit. S. 80.
- 27 См., например: "...doselbst thette er ledderhosen und socken auch sin roten langen mantell und kogell und die rockete uf; und wardt der mantell herre Johan Selbach des capitells notarien, die kugell sinem knechte Heinrich Dormenter, das swertd dem ertzpriester und sinem knechte die sporen" (QBLG. S. 522).
- 28 Центр хранения историко-документальных коллекций (Москва). Ф. 1524. Оп. 1. № 108 (Лос. 4368 "Reisen"), л. 23: "Vnnd als sie yn / in die Tumkirche vor ein altar vor dem kor bracht, der mit tepten, seyden / kusßen vnnd andern erlich zugericht, haben sie sein liebe vor den Altar / vff die kusßen vor sich nidder gelegt, etlichen gesang gemeyniglich vber / ym gesungen vnnd Collecten vber ym geleßen. Da sulchs auß gewest / haben sie sein liebe auffhebt in Chor vmb den hoen altar gefurt / vnnd sein liebe darauff gesetzt mit hoher stymmen Te deu[m] laudamus / gesungen die weile der gesang gewert ist sein liebe allewege vff / dem altar gesesßen vnnd als der gesangk auß gewest ist seine / liebe vom altar geno[m]men in die herberge gefurt".
- 29 *Schneider R.* Bischöfliche Thron- und Altharsetzungen // *Papstgeschichte und Landesgeschichte / Festschrift für H. Jakobs.* Köln; Weimar; Wien, 1995. S. 14: Здесь же см. дальнейшую литературу об обряде усаживания на алтарь.
- 29а В той же мере, в какой Рим служил образцом для Ахена, Ахен сам стал образцом для коронационных центров Восточной Европы. См., например, о Кракове как "реплике" Ахена: *Piech Z.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik in der Monarchie der letzten Piasten (1320–1370) // *Quaestiones medii aevi novae.* 1996. Vol. 1. S. 68 (с отсылкой к дальнейшей литературе).
- 30 См., например, в знаменитом понтификалии епископа Гильома Дуранда: "Cum autem pervenerit ad plateam que Cortina vocatur, que est ante basilicam beati Petri, tunc adextrandus est a senatoribus usque ad gradus predictos, et eo ibi descendente equus, cui insederat, dandus et tradendus est illis". См.: *Die Ordines für die Weihe und Krönung des Kaisers und der Kaiserin* / Hrsg. R. Elze. Hannover, 1960. S. 105. (*Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum separatim editi.* Bd. 9).
- 31 Здесь нет возможности обсуждать, в какой мере "облик" епископской власти (в том числе и власти епископа города Рима) определялся подражанием императорам IV–V вв. и византийским василевсам.
- 32 *GRS P. 26:* "Item ab introitu ciuitatis vsque ad Ecclesiam Beatae Mariae virginis, et per totam ciuitatem tres viri in equis proiecerunt pecunias cum manibus ad populum"; RTA MR. N 885. S. 845; N 918. S. 968.
- 33 *Veit Arnpeck.* Sämtliche Chroniken. Aalen, 1969. S. 553. (Quellen und Erörterungen zur Bayenischen und deutschen Geschichte. Neue Folge. Bd. 3): "...und auf solichs gelt was ain gross gedreng und mer gewart dann auf di fürsten".

- 34 Eichmann E. Die Kaiserkrönung im Abendland. Würzburg, 1942. Bd. 2. S. 279.
- 35 Die Ordines für die Weihe und Krönung... S. 46–47: "Camerarii imperatoris precedant et sequantur nummos proiciente, ut equitantum iter non impediatur".
- 36 Ulrich Richental. Op. cit. S. 162: "Und rait neben dem babst ain priester, der warff pfenning under die lüt, umb das der babst dest minder trungen wurd".
- 37 Первый сохранившийся рассказ о "въезде" записан в 1411 г., но воспроизводит порядок более ранний, скорее всего 1376 г.: FCh S. 9–15. Для датировки протографа см. S. 14: "Et ita fuit observatum tempore Caroli IV imperatoris in electione et exaltacione filii sui Wenceslai in regem Romanorum".
- 38 Здесь, правда, сохранился один весьма ранний (1353 г.) "регламент" встречи государя, составленный, впрочем, для одного конкретного случая, а не в качестве общего правила. Текст см.: Wirz H.G. Zürich und Konstanz im Kampf zwischen Ludwig dem Bayer und dem Papsttum. Diss. phil. Frauenfeld, 1912. S. 82. N 13.
- 39 О визите императора Фридриха I Барбароссы в 1181 г. сохранились лишь самые общие сведения. Напротив, первые подробные описания касаются посещения города Карлом IV в 1375 г. Об этом подробно: Hoffmann E. Der Besuch Kaiser Karls IV. in Lübeck im Jahre 1375 // Nord und Süd in der deutschen Geschichte des Mittelalters. Sigmaringen, 1990. S. 73–95.
- 40 Первая запись относится к визиту Сигизмунда в 1414 г.: Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert. Leipzig, 1864. Bd. 3. S. 343–345.
- 41 RTA ÄR. N 100.
- 42 Ibid. S. 171: "...kumpt zu der stat Ach banmeilen, das ist der statt grenz, die ain meil von der stat gelegen ist, und das dorf daselbst haist zu der Weid..."
- 43 HNSA. Fol. 13–15.
- 44 Впрочем, важно отметить, что далеко не все элементы ахенского въезда в этих "инструкциях" описаны; в ряде случаев, о которых речь ниже, действия вступающих в город и встречающих регулировались явно лишь устно передававшимся обычаем.
- 45 HNSA. Fol. 15: "Nec clausula habetur in privilegio sancti Karoli magni romanorum Imperatoris".
- 46 В 1350–1410 гг. ахенский храм увеличили, смело пристроив к каролингской капелле просторную готическую алтарную часть – хор. Это, однако, не могло привести к существенному расширению круга лиц, получавших доступ в храм. В хоре при коронациях наверняка разрешалось находиться только князьям, высшему духовенству империи и местным каноникам.
- 47 Die Sachsengeschichte des Widukind von Korvei / Hrsg. P. Hirsch, H.-E. Lohmann. Hannover, 1935. 2,1: "...pontifex... laeva sua dextram tangit regis..."
- 48 Так, например, при прибытии в Ахен королей Фридриха III в 1442 г. (RTA ÄR. N 100, S. 172) и Максимилиана I в 1486 г.
- 49 Известно, что в 1486 г. император и князя прошли внутрь хора – к изображению Девы Марии и Карла Великого, но Максимилиана они оставили одного стоять на коленях в центре "октогона". "Imperator cum caeteris Electoribus et Principibus steterunt fundentes orationes eorum ante imaginem Beatae Virginis et Regis sancti Karoli" (GRS. P. 26). (Речь идет вероятнее всего о живописном алтаре, созданном в 1485 г. и стоявшем в апсиде хора перед "Золотым престолом". В его центре изображена Мария с младенцем на руках, а перед ней на коленях Карл Великий, протягивающий мадонне модель ахенского храма. См.: Die Domschatzkammer zu Aachen. Aachen, 1990. S. 110).
- 50 Наиболее ясно эта последовательность выражена в: RTA ÄR. N 101. S. 177; RTA MR. N 916. S. 947: "Mitten yn der kirchen was ein schwartz sammetes tuch aufgeprayt, do knyet der Kg. und sprach sein gepet als lang, piß man Te Deum laudamus sang. Nachvolgent petet er auch vor unser Frauen altar", и N 918. S. 969: "...furten den Kg. in die kirchen under die hangende krone. Dasselbst kniet er so lang, bis der lobgesang Te Deum laudamus ausgesungen ward. Darnach gieng der Ks, Kff. und Ff. mit ime fur unser lb. Frauen bild, teten aldo kniend ire gebete".
- 51 Die Sachsengeschichte des Widukind von Korvei... 2,1.
- 52 RTA ÄR. N 101. S. 177: "...et deinde expansis brachiis ad pavementum prostratus quiescet".
- 53 RTA ÄR. N 100. S. 172: "und darnach werden der techant daselbst ain prelat oder der eltest tumbherr des munsters den kung zwuschen sich nemen und in fueren in das munster unter die kron, die darin hangt". См. также: RTA MR. N 918. S. 969: "...furten den König in die kirchen under die hangende krone".

- 54 *Schiffers H.* Die deutsche Königskrönung und die Insignien des Richard von Cornwallis. Aachen, 1936. S. 12–17, 150 (Veröffentlichungen des Bischöflichen Diözesanarchivs Aachen. Bd. 2).
- 55 Эта традиция, впрочем, не смогла прижиться – ахенской короне так и не суждено было стать главной короной Германии.
- 56 См., например: RTA ÄR. N 100. S. 172: “...soll der kung des heiligen kaiser Karl haupt... mit naigundem haupt erpitten und sich gegen im naigen”.
- 57 В 1486 г. от балдахина отказался и король Максимилиан и сопровождавший его император Фридрих III: “Das haubt wurd under dem hymel getragen, darunter der Kaiser und König eingeritten solten sein” (RTA MR. N 916. S. 946).
- 58 Как она выглядела, свидетельствуют очевидцы в 1486 г.: сначала шли священники, затем братья одной местной монашеской конгрегации, за ними – кармелиты, августинцы, доминиканцы и францисканцы. Завершали шествие ученики церковной школы, приходское духовенство, капелланы и каноники. См.: RTA MR. N 874. S. 813.
- 59 RTA ÄR. N 107. S. 187; N 109. S. 197.
- 60 В § 21 Золотой Буллы говорилось, что архиепископ Трирский шествует непосредственно перед государем. Между ними могут оказаться только князья, несущие королевские инсигнии (к числу которых относится и имперский меч). В § 22 прямо указывается, что герцог Саксонский с имперским мечом и два других курфюрста с державой и скипетром следуют между архиепископом Трирским и королем.
- 61 Упоминается в: RTA MR. N 918. S. 968.
- 62 *Karl der Große: Werk und Wirkung.* Aachen, 1965. S. 22.
- 63 Из трех основных версий происхождения (и, соответственно, датировок) пинии – античной, каролингской и оттоновской – еще недавно преимущество принадлежало первой (*Karl der Große: Werk und Wirkung... N 3. S. 27*), но теперь – скорее последней (около 1000 г.): *Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen.* Hildesheim, 1993. Bd. 2. N III-4. Sp. 115–118. Вопрос о том, появилась ли бронзовая пиния перед ахенским храмом в подражание фонтану “Кантар”, стоявшему в атриуме перед входом в базилику св. Петра в Риме (*Ibid.* N III-3), остается открытым.
- 64 *Deutsche Reichstagsakten.* Ältere Reihe. Bd. 7. Göttingen, 1956. N 168. S. 246: “...per modicum spatium ante Lupum stabant Coloniensis archiepiscopus et abbas Indensis regem reverenter assummentes et inter se ducentes usque ad Lupum. ubi eum tunc assumpserunt decanus et unus canonicus senior, et duxerunt eum subtus coronam...”
- 65 RTA ÄR. N 100. S. 172: “die dann geen sol biß zu unser frawen munster an die stat, die berin genannt; da man in dann von dem tumb etlich bedeutung erlesen wirt”.
- 66 *NHSA.* Fol. 13: “Item dae steyt der konyneck aff so stient dae eyn Ertzbuschoff / van Colne ind eyn Abt van sent Corneliuß monster neymt / ym myt der handt ind leyden yn vnder den boighen bur vnser / frauwen monster dae die Beiryne ind Klee stient ind / aldae sullen der dechen ind der Eldeste canaench den / koninck neymen yem beduden wat die Beiryne ind Klee / betzeichent”.
- 67 *GRS.* P. 26: “quatenus rex debet esse defensor regni, quemadmodum lupa defendit suos iuvenes prae aliis animalibus... Etiam rex debet praesse omnibus linguis”.
- 68 RTA ÄR. N 100. S. 171: “...ain tail des wegs neben dem kung reiten und mit im reden, als dann vor herkomen ist”.
- 69 Текст см.: RTA MR. N 190. S. 186–191.
- 70 *Des Heiligen Römischen Reichs Teutscher Nation Reichs-Tags-Theatrum / Hrsg. J.J. Müller.* Jena, 1718. S. 32: “...mit ihrem offen Brieve und anhangend Insigeln des Decrets der Election vor die Pfort des Gamyllen kommen haben Ihr Mai. die Burgermeister der Statt Aach empfangen”. Сравнение с RTA MR. N 918 позволяет исправить ошибки в обеих версиях этого текста: у Мюллера вместо загадочного “Gamyllen” следует читать “Vanmylen”, т.е. “черты городского округа”, а в RTA писец ошибочно поставил артикль в единственное число, чем напрасно создал у читателя представление об одинокой печати, привешенной на предъявляющуюся грамоту.
- 71 *Schulte A.* Die Kaiser- und Königs-Krönungen zu Aachen 813–1531. Bonn; Leipzig, 1924. S. 41 (*Rheinische Neujahrsblätter.* 3).
- 72 Подробнее см.: *Бойцов М.А.* “Ребенок и глупец избрали короля...” // *Казус.* 1996. М., 1997. С. 111–136.

- ⁷³ Есть, однако, примеры, когда в ходе "первого" въезда епископа в город зачитывалась вслух грамота, в которой сензор торжественно подтверждал права горожан. Так бывало, например, в Шпайере (QBLG. S. 359, 522) или Вормсе (Monumenta Wormatiensia... S. 594).
- ^{73a} См. об этом также: *Vojsov M.A.* Op. cit. S. 92.
- ⁷⁴ RTA MR. N 924. S. 985.
- ⁷⁵ Ibid. N 930. S. 1013.
- ⁷⁶ Избегать этого можно было бы, только особо готовя коней задолго до торжества. Так в Москве XVII в. коня, предназначавшегося для знаменитого "шестивия на осляти" на вербное воскресенье, сначала на протяжении месяца кормили только один раз в день: "В течение последних трех дней его почти совсем не кормили, чтобы он не испачкал дорогу" (*Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник. СПб., 1996. С. 145).
- ⁷⁷ RTA ÄR. N 108. S. 192: "...unzt an den fünftn tag, daz di strass nie gelag weder pei tag noch pei nacht, zü rossen und zu füessen".
- ⁷⁸ RTA MR. N 885. S. 845: "Es ist auch eyn menige folcks zu fuß gangen, dan es waren nit vil reysiger perde furhanden. So mußte man einen fl. von Collen bis gen Aiche fure in persone zu wagen zu furen geben..."
- ⁷⁹ RTA MR. N 925. S. 986.
- ⁸⁰ Ibid. N 926. S. 987.
- ⁸¹ RTA ÄR. N 109. S. 197: "Item an demselben tag zu complet zeit da hueb sich ein grosse rumor under den frömbden gesten und ain aufflawf, das etlich wolten wänen, die statt wär verraten, und etlich maintien, die fürsten oder der könig wär verraten".
- ⁸² Подробное изложение этой истории см.: QBLG. S. 375.
- ⁸³ RTA MR. N 925. S. 986.
- ⁸⁴ Ibid. N 919. S. 978–979.
- ⁸⁵ Ibid. N 924. S. 985.
- ⁸⁶ GRS. P. 25: "Imperialis Maiestas cum appropinquaret ciuitatem, exiuit currum, et ascendit equum suum".
- ⁸⁷ RTA ÄR. N 107. S. 186: "Et tout premier y entront gran nombre des gens d'armes de tous saingneurs d'Allemangne... por prendre logiches et herberges por leur saingneurs".
- ⁸⁸ RTA ÄR. Bd. 16. N 107. S. 186: "Après vinrent le summe de 47 chars appartenant a dit roy, tous coviers de ses armes d'Ostriche, tres bien habitueis et adubeis chambre et joweaux, et gens, qui les wardoient. apres gran nombre de cherois apartinant a dit roy et aux aultres prinches, atout gran wardes de gens d'armes chevalchant apres le dis cherois".
- ⁸⁹ RTA MR. N 874. S. 812: "Item von erst sind yngeritten die fumier, köch und trossier und in manicher zal rollwegen, dann vil Herren und knecht kain pferd gehept haben... dann man helt underwegen yne straßen verschlossen, das nit yderman zumal hindurch mocht".
- ⁹⁰ Ibid. N 874. S. 814: "Und weret das unrytten mit großer unordnung wol 1½ stund".
- ⁹¹ Пожалуй, только в швейцарских иллюстрированных хрониках композиция чуть-чуть живее.
- ⁹² Die Sächsische Landesbibliothek (Dresden). Ms. M3^m. Fol. 94v: "Item darnach des von maintz vnd Trier vollich auch wol mit sechs / hund[er]t phärd[e]n vnd yglichs sein Trumett[er] vnd pheifer vn[d] panug". В цитируемом списке есть ряд любопытных отличий от опубликованной по другой, мюнхенской, рукописи редакции этого текста (RTA ÄR. N 109). В частности, приводимая фраза в издании отсутствует.
- ⁹³ RTA MR. N 874. S. 814.
- ⁹⁴ Ibid. N 874. S. 812: "Sovil ich das hab mogen behalten".
- ⁹⁵ RTA ÄR. N 109. S. 195.
- ⁹⁶ RTA MR. N 876. S. 822: "...all in schwarz mit lichtem harnasch... und fuchsschwenz an spiessen".
- ⁹⁷ Ibid. N 874. S. 814: "Item uf das alles ritt Mgf. Albrecht von Baden und an siner syten, den kenn ich nicht, aber ich hab mut, zu erfaren".
- ⁹⁸ Ibid. N 885. S. 845: "...und trugen St. Karolus heupt... entgegen zu kussen"; N 917. S. 956: "...steyge der römische König ab von seinem pferd ze fuß in der stat porten und kußte das haubt..."
- ^{98a} О том, какие проблемы для историка создают средневековые способы фиксации и передачи информации о торжественных въездах государей см.: *Vojsov M.A.* Op. cit.

- 99 "...und furten in unser frawen kirchen fur unser frawen alter und da kniet er nider" (RTA ÄR. N 108. S. 192). См. также: RTA MR. N 875. S. 816; N 885. S. 846; N 915. S. 932; N 917. S. 957.
- 100 Ibid. N 918. S. 969.
- 101 RTA ÄR. N 109. S. 196: "...des grossen kieser Karlins heupt, daruf sine kröne"; GRS. P. 25: "cum... capite sancti Caroli Regis... in quo erat corona sua quam habuit in vita".
- 102 GRS. P. 26: "...duraverat iste introitus bene ad horam cum dimidia". См. также: RTA MR. N 876. S. 823; N 917. S. 957.
- 103 RRA MR. N 874. S. 813: "Ks. Karolus houpt in ainer vergülten visier".
- 104 Ibid. N 917. S. 956: "Ks. Karels haubt, in gold verfasst".
- 105 Ibid. N 876. S. 823: "...und uf ain alte form fast schön".
- 106 См., например: *Berns J.J.* Der Ursprung des Automobils aus dem Geiste des Trionfo: Zugtierlose Fahrzeuge in höfischen Repräsentations- und Theaterzusammenhängen der Frühen Neuzeit // *Image et spectacle: Actes du XXXIIe colloque internationale d'études humanistes de centre d'études supérieures de la Renaissance*. Amsterdam, 1993. S. 313–375 (Chloe. Beihefte zum Daphnis, 15).